

Рашида Стикеева

Играла музыка

Рашида Стикеева

Играла музыка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63470358

ISBN 9785005188083

Аннотация

Время повествования 1978—1991 годы прошлого столетия. Эпоха Советского Союза. Главная героиня Ирина – девушка 17 лет, только что получившая аттестат о школьном образовании, начинает взрослую жизнь. Сергей – курсант Ленинградского морского училища. Олицетворение мужественности и романтики. У них роман в письмах. Став студенткой, она случайно знакомится с Андреем. Он – само веселье и обаяние. Ирина влюбляется в Андрея. Кого выбрать? Того, кто рядом, или того, кто обещает встречу? Книга содержит нецензурную брань.

Играла музыка

Рашида Стикеева

© Рашида Стикеева, 2020

ISBN 978-5-0051-8808-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Играла музыка

Часть первая.

Игарка. 1978 год

Возле изрядно захватанной и побитой двери ресторана толпились молодые люди. За темным стеклом смутно виднелась солидная фигура швейцара. Всё намекало на высокую посещаемость заведения. Зато криво висевшее объявление «Мест нет» заявляло об этом четко и всерьез.

Но народ в этих местах, не привыкший доверять печатному слову, томился в ожидании, надеясь попасть, пробраться, проскользнуть в единственный в городе музыкально-ресторанный оазис.

В порту Игарки в основном стояли рабочие суда, перевозившие древесину. На них, привычных, внимания не обращали. Уже сутки, как город волновался: прибыл большой морской корабль. Такое случалось нечасто в малень-

ком городке этого северного края. Пока на судне споро шла разгрузка и проводились хозяйственно-ремонтные работы, но все знали: вечером моряки с красавца-корабля гуляют после долгого похода в ресторане «Игарка»: места заказаны, меню утверждено.

Молодым и холостым жительницам городка могла выпасть большая удача: повеселиться, познакомиться с моряками, может, как-то устроить свою жизнь.

Местные фарцовщики имели свои виды на предстоящее событие: по всем правилам темной коммерции принять товар и, если повезет, заполучить вожаделенную валюту.

Однако советский ресторан дорожил своей репутацией и держал дистанцию. Дверь его периодически трещала под натиском страждущих, но не сдавалась. Да и свисток охранника находился в боевой готовности.

Неожиданно высокая дверь приоткрылась, наружу высунулась женская головка в яростной химической завивке.

– Макарова! Кто Макарова?

Стоявшая в гуще толпы высокая девушка мгновенно повернулась на голос, отчего пышный хвост светлых волос взметнулся над толпой:

– Я! Я Макарова! —и она начала пробираться сквозь толпу, увлекая за собой двух подруг. Окружающие невольно потянулись следом.

– Заходите! Быстренько! Сколько вас? – торопила женщи-

на в дверях.

– Нас трое...

– Давайте! Давайте... Не задерживайте....

Толпа напряглась, взволновалась и загудела недовольными голосами:

– А мы?! А мы что?! Блатные на первом месте?!

Кудрявая исчезла, следом одна за другой проскользнули и девушки. Высокая дверь, скрипнув тугой пружиной, захлопнулась, оставив желающих при их интересах, а табличку непоколебимой. В дверь немного поколотили, попинали, замахнулись было камнем разбить стекло, но стоило швейцару погрозить увесистым кулаком и показать на свисток, висевший у него на шее, как все быстро уgomонились. Отделение милиции находилось рядом, за углом, но желающих отправиться туда не нашлось.

– Идите за мной! – администратор, стуча каблучками, двинулась в зал, девочки послушно пошли за ней. – Вы – дочь Елены Федоровны? – спросила она, оглядываясь на ходу. – Мне звонили, я вот... вам тут... столик нашла. Правда, у самой эстрады.

Небольшой зал, стены которого украшали резные деревянные панели, а высокий потолок – внушительная люстра с длинными хрустальными сосульками, был довольно уютным. Круглые столики водили плотный хоровод вокруг невысокой, в две ступеньки, полукруглой эстрады, прикнувшей к единственной свободной от длинных панелей

стене. На сцене копошились музыканты, разогревая инструменты и настраивая микрофон.

–Раз-раз... раз... раз. Раз... два... три...

Подруги на мгновение задержались возле эстрады, окликающая музыкантов по именам и кокетливо рассылая им поцелуи. Наконец устроились за отведенным им столиком.

–Девочки, что будем заказывать? – с посторонним видом, вполоборота, как бы проходя мимо, поинтересовалась молодая официантка.

Подруги дружно повернули головы к Макаровой.

– Нам бутылку шампанского, – быстро проговорила она, – конфеты и фрукты.

–Из фруктов только яблоки, шампанское советское, из конфет только птичье молоко, —отчеканила официантка.

– Хорошо! Несите!

Окинув оценивающим взглядом молодых девиц, официантка уплыла в сторону кухни.

Ресторан был полупустым. В центре зала небольшой компанией сидели знакомые девчонки из универмага, у самого входа, развалившись, опасно щурился сосед Макаровой Витка Разуваев со своей малочисленной свитой, да крутилась еще пара-тройка командировочных мужичков, немедленно спикировавших на их столик. Девушки, пригрозив милицией незадачливым кавалерам, дружно чокнулись, выпили шампанского, закусив конфетами из коробки, принялись с аппетитом грызть яблоки и разглядывать музыкантов.

Интересно то, что все три подружки звались Иринами, и все три матери девочек являлись видными работниками советской местной торговли.

Елена Макарова заведовала универсальным городским магазином и растила единственную дочь. Шумная Томила Яхина управляла продуктовой базой морпорта и своей немаленькой русско-татарской семьей. Злыдня Люся Семенова трудилась в Горно, возглавляя торговый отдел. В отличие от двух других родительниц никаких протекций двум дочерям не устраивала, зато уверенно управляла их жизнями. Все три матери дружили.

Дочери Ирины ходили в один детский сад, потом в лучшую в городе школу. Этим летом подружки успешно окончили десять классов и разлетелись поступать в институты на материк.

Скуластенькая полукровка Ирка Яхина, отличавшаяся яркостью карих глаз, чернотой волос и нехилым темпераментом, внешне уступала подругам невысоким ростом.

Чуть больше месяца назад папаша Яхин собственноручно отвез дражайшее дитя к татарским родственникам в Казань, взяв с сестры и тетки обещание глядеть за ней в четыре глаза. Дочь же, с легкостью сдав единственный предмет, поступила в Государственный университет и всё оставшееся время перед возвращением домой была неуловима. Свою Игарку терпеть не могла, оттого торопилась завязать новые знакомства на новой территории.

Нежная и прекрасная, как северная березка, Ирочка Семенова поступила в Ленинградский кораблестроительный институт.

– Зачем? – только и спросили обе подруги. – Зачем тебе эта корабелка?

– Нравится, – тихо прошелестел ответ. – Очень интересно... я думаю. Да и мама советует.

После победной сдачи двух проходных экзаменов она на время вернулась домой – на свой любимый диван, к любимым книжкам.

Первой красавице Игарки Ирине Макаровой пришлось сдавать все экзамены. Ничего не поделаешь, две четверки в аттестате. Но поступила без труда в Новосибирский институт, на экономический факультет.

Катерина, близкая подруга матери с детства, проживавшая в Новосибирске с юности, одинокая, от того энергичная особа, обиделась было, что девочка заселилась в общежитие, но Ирина тут же пообещала, что как только ей надоест коммунальная студенческая жизнь, она сразу же вернется к ней, в уютную полупортку в центре. А пока, разумеется, будет являться к тете Кате с обязательными еженедельными визитами.

Девушки праздновали поступление в вуз и начало взрослой жизни.

– Как они не боятся?! Ведь разобьют же по пьянке, – подняв глаза на хрупкую люстру, предавалась мыслям вслух Се-

менова. — Такая красивая! Как в театре...

—Гос-с-споди! Кому би-и-ть-то?! Одно бабье... на переднем плане!— процедила, приподнявшись со своего места, маленькая Яхина.— Ну и где обещанные красавцы? Гордость отечественного торгового флота?!

—Сейчас будут!— уверенно пообещала Макарова. — Мама сказала, они накануне места забронировали.

— А моя мама сказала, что у них обязательная политинформация перед тем как покинуть корабль... — пояснила, вытянув тонкую белую шею, Ирочка Семенова.

И в этот момент раздался шум у входных дверей.

Весь ресторан вмиг стал синим. Джинса была разных оттенков и фасонов — моряки, впервые за много месяцев сняв форму, тут же нарядились в заморскую одежду. Местные тоже не отставали от модных тенденций благодаря недремлющим фарцовщикам. Только официанты были одеты по правилу «белый верх— черный низ», да несколько офицеров явились в ресторан в форме. Видно, и здесь несли свою беспокойную службу.

Он, высокий и статный, вошел последним. Она увидела его сразу. На нем красовался морской китель с погонами. Рядом шли еще двое, чуть ниже ростом, они тоже были одеты в форму с отличиями младшего офицерского состава.

Освеженная яркой морковной помадой и оживленная мужским вниманием, кудрявая администраторша челноком

мелькала среди моряков, рассаживая и устраивая прибывших гостей. Его и тех двоих в офицерской форме она посадила в угол, с другого конца эстрады, как раз напротив столика подруг. Вскоре вновь подошла, о чем-то именно его спросила. Он приветливо ответил. Она громко рассмеялась, кивая всеми кудряшками сразу. Макарова так засмотрелась на эту сценку, разве что рот не открыла, но спохватилась, смутилась, сглотнула и принялась за очередное яблоко.

На столах еще стояли нетронутые салаты, блюда с закусками, когда быстро опьяневшие морячки вновь заказали спиртное в полном объеме. Официанты только успевали подносить. Вино, водка, коньяк – спиртное полилось рекой.

– Макарова, он только на тебя смотрит!– глазастая Яха успела оценить молоденького офицера у края эстрады, двух других она не могла разглядеть, сидели спиной, но также зацепила ядовитый взгляд со стороны крайнего столика, у входа. Невеликий рост для начинающей интриганки не был в этом деле помехой. События разворачивались с киношной скоростью, теперь ей определенно нравился родной город.

– Кто? Вон тот офицер? – без суеты Ирина выпрямила спину и спокойно прицельно устремила взгляд напротив. – Заметила, тоже на него смотрю...

– Да какой офицер?! Витька твой... сосед!

– Пусть смотрит! Ему это уже не поможет, – и Макарова с хрустом откусила яблоко.

–Пасет опять!– не унималась Яха, слегка взбивая пальчи-

ками и без того высокий начес на голове. – Мама рассказывала, у вас там опять скандал был? Витькин папаша семейство свое гонял? Женушку свою бил? Слушай, Витька тебя когда-нибудь зарежет! Ты бы хоть потанцевала с ним, что ли, успокоила? А то ведь он считает себя не хуже адмирала, – и Яха довольно хихикнула.

Ирина дернула плечом: вот еще! Местные только и делают, что за девчонками приглядывают, будто им чего обещано.

Конечно, бывает, что вот так компанией отметелят одного-двух заезжих морячков. Но толку-то?! Бей – не бей, девчонки все равно уезжают на материк, не задерживаются в Игарке. Да и где задерживаться? В городе, помимо порта, еще лесопильный комбинат союзного значения, но и там мужские руки требуются. Отсюда, кругом одно хмурое мужичье, которое, несмотря на тяжелую работу, пьянствует и буйствует все свободное время.

Женской работы в городе мало. Развлечений тоже нет. Один кинотеатр и один ресторан на весь город. Наряды и те, выгуливать негде и не с кем. Когда порт закрыт, а это почти девять месяцев в году, в городе тоска и серость страшная. Иногда, правда, случаются романы с командировочными, но это всё больше скандалы.

Музыканты заняли свои места. В честь красавиц-подруг объявили песню про бедного студента. Заиграла громкая ритмичная музыка. Всё задвигалось, тронулось с места и по-

неслось....

Крепкий офицер из компании напротив, вдруг развернувшись к залу лицом, вскочил с места и быстро подошел к девичьему столику. Перекрикивая музыку, громко представился:

— Константин. — И на мгновение растерялся: все три девушки — красивые, кого выбрать? Но тут же сориентировался и, едва получив разрешение на танец у ближе всех сидевшей Яхиной, в мгновение ока подхватил ее и увлек, быстро-быстро засеменявшую полными ножками на высоких каблуках, на танцплощадку. Подруги только подивились: глаза на затылке у этого рьяного морячка, что ли? Ведь все время спиной сидел.

После второго танца и Ирочка Семенова не вернулась к своему столику. Слышался только ее смех из густо-синего ряда поклонников.

Самая красивая девушка Игарки Ирина Макарова осталась на месте. Нисколько не смущаясь этим фактом.

Веселье набирало обороты. Далее вокально-инструментальная группа перешла на репертуар Юрия Антонова. И всё взорвалось и понеслось по музыке, как по ветру. Вчерашние матросы отрывались, что было сил. Грохочущая музыка, сверкающий и крутящийся серебристый шар, спускающийся с центра потолка и разбрасывающий вихри светомузыки. Столкновения, разлеты, снова столкновения. Танцевали

до седьмого пота. Возвращались к своим столикам, торопливо опрокидывали рюмки, бокалы и опять убегали танцевать.

Местные парни злой кучкой тихо сидели на заднем плане, лениво потягивая винцо. Зал был практически пуст, зато танцпол трещал.

Вокруг Ирины Макаровой толкались ухажеры всех ростов и разной степени опьянения, но она держала оборону, выразительно поглядывая в заветный угол.

Ресторан уже ходил ходуном, а он все сидел....Но вот, объявили медленный танец. Она решила: сейчас выберу из рядом стоящих самого высокого и самого трезвого, и пойду танцевать – хватит ждать!

Музыканты взяли перерыв. В зале приглушили свет. Включили магнитофон. Пел Джо Дассен: « Где же ты и где твои следы...»... Несколько минут и зал настроился на, вполне, чувствительную атмосферу.

То ли лившаяся прекрасная музыка, то ли установившееся лирическое настроение подействовали, но незнакомец, наконец, поднялся, расправил плечи, застегнул пуговицы кителя и, краснея от смущения, двинулся к ее столику.

– Разрешите вас пригласить?

Ирина строго взглянула на его полыхавшие щеки, тряхнула волосами, неторопливо поднялась, мимоходом заметив, что на каблуках она полголовы ниже, и протянула молодому человеку руку.

~~~~~

Для Сергея Томина это был первый самостоятельный поход после окончания Ленинградского мореходного училища. В родном городе его ждали сестра Света и могильный обелиск на дальнем городском кладбище.

Отец, морской офицер, не вернулся с боевого задания в мирное время. Мать после гибели мужа из молодой и веселой женщины разом превратилась в грустную пожилую вдову. Главой семьи стала Светлана- старше Сергея на десять лет.

Ему исполнилось семь, когда отгремел траурный марш на похоронах отца. Через месяц Светлана перевелась на вечернее отделение института, а мать из военного госпиталя перешла в районную поликлинику участковым врачом.

Днем, пока брат был на учебе, а мать на работе, старшая дочь занималась хозяйством, вечером – бежала на занятия.

Сережа рос улыбчивым и покладистым мальчиком, внешне совсем невыразительным. Вся природная яркость досталась сестре. С друзьями особенно не водился, целыми днями корабли рисовал, став старше, записался в кружок «Юный техник» Дома пионеров. Все свободное время проводил там.

Со спортом в школе отношения сложились менее удачно. Баскетбольный клуб, куда начал было ходить Сергей, переехал на время в старое здание. Каждую тренировку в зале покрытие собирали и, добросовестно вымытый, пол блестел. На этом скользком полу падали все, включая тренера. Ругались, проклинали, но перед каждой тренировкой пол про-

должал блеснуть.

После одной из тренировок, вечером, Сергей обнаружил опухшую коленку. Светлана быстро замесила тесто, заморозила его в холодильнике и через час приложила к больному месту. На первый раз все обошлось, к утру опухоль прошла. Но после нескольких падений колено вновь распухло. Светлана повела брата в травмпункт.

Серый от усталости, в застиранном халате, пропахший табак и алкоголем хирург-травматолог сделал весьма неутешительный вывод: со спортом придется расстаться.

Сергей психанул было, заспорил, даже собрался поплакать, но доктор смиротворился и добавил- на время.

Мать постепенно угасала, слабела, характер же дочери становился, наоборот, все крепче. Через пять лет она окончила институт иностранных языков и вышла на работу в иностранный отдел одного НИИ. Помимо основной работы занималась синхронным переводом, по приглашению работала с иностранными делегациями.

В конце шестого школьного года мать умерла тихо и незаметно. Просто уснула и не проснулась. Через год, поставив на родительской могиле оградку и небольшой общий обелиск, Света после некоторых колебаний все-таки решила – Сережа пойдет в мореходное училище

В тот год он сильно вытянулся. Руки-ноги вдруг за одно лето выросли так, что сестра за голову схватилась – купленная заранее школьная форма, оказалась мала.

Внешность изменилась тоже. Волосы поднялись густой шапкой. Глаза же, чуть вытянувшись к вискам, окруженные обильными ресницами, окрасились в глубокий темно-серый цвет. Взгляд стал цепким, даже пронзительным.

На девочек, не обращавших на него внимания до восьмого класса, вдруг напала влюбленность. Теперь на переменах возле его длинных ног происходила какая-то девчачья возня. Он, молча, недоумевая, обходил поклонниц, а то и во все устремлял взгляд куда-то поверх голов смущенных одноклассниц. Начались звонки по вечерам, записки в портфеле. Прочитав их, Сергей заливался краской смущения и злился.

Обсудить с сестрой эту ситуацию Сергею в голову не приходило. Сестры он стеснялся, немного побаивался ее деловитости и строгости.

Друзья и в повзрослевшей жизни Сергея не играли существенной роли. Звали— шел в кино, играть в футбол, кататься на каток, но сам никого никуда не звал, ни о чем не просил, к себе не приглашал и в гости ходил редко.

Но приятели все, же были. Костя, Марат, Игорь.... С ними он занимался в секции баскетбола. С Костей и Игорем они вместе поступили в мореходку, не сговаривались, так получилось. Были рядом, бок о бок, во время учебы, отсюда— дружба.

Ему нравилось дарить им поделки, сделанные своими руками. Сережины рисунки и корабли друзья с удовольствием уносили домой. Увлеченно рассказывал про эти самые ко-

рабли, парусники, фрегаты, что как устроено, как что работает, чем вызывал у товарищей глубокое уважение.

Учился отлично, проблем и хлопот сестре не доставлял, хотя родительские собрания Светлана полностью игнорировала. Сил хватало лишь на проверку дневника и карманов – на предмет тайного курения.

Несмотря на все хлопоты, как-то, между прочим, у нее состоялся роман с британцем с русскими корнями Ларри Питерсоном. Ларри просил называть его по-русски – Илларионом, дескать, так назвала его русская бабушка.

Света не возражала, привыкнув к чудачествам иностранцев. После двух лет пунктирной любви последовало предложение руки и сердца, но она, подумав, отклонила, выдвинув жениху аргумент – а младший брат?

Расставание с несостоявшимся женихом было долгим и мучительным, и с годами связь не оборвалась, а наоборот укрепилась.

– Я иметь привычка тебя любить, – разводил руками Илларион.

– Ну, хорошо! Пусть идет, как идет, – разрешила Светлана.

В редкие приезды он звонил из гостиницы, и она, отложив все дела, а зачастую купив справку у соседки по лестничной площадке, та работала в поликлинике, бежала на свидания, каждый раз клянясь себе, что это в последний раз.

С годами страсть угасла, и отношения перешли почти род-

ственные, за что Илларион был ей очень благодарен. Светлана так и осталась незамужней и бездетной, уверяя всех вокруг, что за хлопотами и заботами о младшем брате у нее не нашлось времени на собственную личную жизнь.

Связь с Илларионом все эти годы укрепляло еще и то обстоятельство, что каким-то волшебным образом ему удалось стать консультантом того самого НИИ, где работала Светлана.

Теперь на гостиничных простынях горели не только любовные пожары, но и разгорались служебные, они же – рабочие, споры и сплетни.

Из памяти Сергея давно стерся облик отца-героя, но тающий образ матери еще царапал душу. Он с горечью размышлял о том, что за непонятная тоска глодала ее, какого таинственного смысла лишилась ее жизнь?..

Сестра заботилась о нем хорошо. Зачастую была излишне строга, но находила для Сережи и ласковое слово. Вкусно кормила, ухаживала в редкие дни болезней. Старалась его модно одеть, да и за собой следила. Никогда не отказывала ему в деньгах, правда, просил он их редко, а тратил в основном на покупку книг в любимом магазине-букинисте. Сергей никогда не чувствовал себя сиротой. И все же в его душе жила какая-то странная пустота, сродни тоске и он заполнял её как мог- мечтами о море.

Помимо моря большой любовью Сергея оставалось чте-

ние. Районная и школьная библиотеки, а позже и библиотека училища, не отвечали требованиям молодого романтика и запойного книгочея. Русская и зарубежная классика только бередили его, как казалось окружающим, безмятежную душу.

Курсы мореходки прошли под завывания Белого Клыка Джека Лондона, шум пенистого грозного моря Хемингуэя, туманную тоску Ибсена, головокружительные приключения Фенимора Купера, мрачную жуть Эдгара По, воюющие ветры, бьющие в натянутые паруса Жюль Верна.

Пока старшая сестра выстаивала длинные очереди в магазинах (дефицитным было все, начиная с продуктов и заканчивая туалетной бумагой), Сергей не вылезал из библиотек.

Сестра составляла для Иллариона списки импортных товаров и одежды, громко озвучивая их по глухому международному телефону, и в каждую свою командировку в Ленинград он тащил для нее и Сергея сумки с подарками. Главной головной болью была обувь для быстро растущего брата. Как-то раз Илларион с довольным видом вытащил из дорожной сумки коробку с ботинками фирмы Ascot и сказал:

— Это лучшая лондонская обувная фирма, хоть и молодая! Я взял на размер больше, как ты просила.

Сергей, действительно, проносил эти ботинки не один год, фирма не подвела. Светлана была счастлива.

В редких случаях, в основном на праздники, Светлана

приглашала Иллариона на домашние обеды. Когда Сережа подрос и, благодаря жесткому графику домашних занятий, мог поддержать разговор на английском языке, они с Илларионом вели солидные беседы.

Заморский гость приходил в атласной бордовой или синей бабочке и с неизменным букетом цветов. Цветы сопровождали Светлану все годы, проведенные вместе с Ларри-Илларионом. Иногда, в разгар зимы, он радовал любимую женщину маленькими букетами фиалок или мимоз прямо из Лондона.

С мальчишкой же любил порассуждать об английской литературе.

– Серенький, ты слушай, слушай!– советовала хлопочущая по хозяйству сестра, и младший брат слушал.

Романы английских классиков Ларри комментировал долго и витиевато, что весьма способствовало изучению английского. Балладу «Вересковый мед» Роберта Стивенсона прочел наизусть.

Глаза Светланы округлились.

– Я думала, что ты только... – тихонько, оберегая уши младшего брата, сказала она, – в постели можешь... Хьюза читать...

Илларион только посмеялся и, обращаясь к Сергею, заявил:

– Твоя сестра, Серж, очень серьезная дама! И очень резкая! Хьюза, между прочим, я очень уважаю...

Выпив водочки и вкусно закусив, несостоявшийся зять

продолжал разглагольствовать:

– Еще мне нравится Том Ганн...

Отужинав, почти родственник отправлялся к себе в гостиницу. Почему он не оставался ночевать, места в их трехкомнатной квартире хватило бы? Сергей не смел об этом спрашивать — не его это дело.

Только однажды, засидевшись до рассветных сумерек, Илларион уснул, сидя в кресле. Они осторожно разули его, сняли пиджак и бабочку, расстегнув верхнюю пуговку рубашки, накрыли гостя пледом, подсунув ему под голову подушку-думку, и на цыпочках вышли в кухню мыть посуду, закрыв за собой дверь.

– Света, ты почему за него замуж не выходишь? – вдруг, нарушая негласный договор, спросил Сергей и немедленно покраснел. Светлана замерла на мгновение над горкой посуды в раковине, потом, не поворачиваясь к нему, ответила:

– Ждала, что ты когда-нибудь об этом спросишь. Маму помню.... Как она тосковала по отцу.... Как будто все для нее остановилось, закончилось в один миг. А мы? Мы в ее жизни были? Или только отец?! Я так злилась на нее... – помолчав, продолжила сестра. — Не хочу так... прирастать. Но ведь по-другому не получится, по-другому не обучены. Поэтому и начинать не стоит, – она вздохнула и решительно закончила: – У меня есть ты, и мне этого хватит!

Сергей подошел к сестре ближе и неловко обнял ее.

— Ты чего, Серенький? Все хорошо! Зато ты женишься, а я бабкой буду. Ух, какой я бабкой буду... — быстро проговорила она и заплакала.

* * *

Из ресторана ушли первыми. Слышать и видеть никого не хотелось. Хотелось слышать и видеть только друг друга.

Игарка не спала. Вздыхала морем, шепталась кустами, подмигивала огоньками морского порта и частыми уличными фонарями.

— В Ленинграде сейчас белые ночи... мы обычно любимся... — начал он торопливо.

— У нас светлее... — перебила она. — Да-да... Не верите?! У нас самые светлые ночи... Гораздо светлее, чем в Ленинграде. Но мы не гуляем, мы сидим у окна, слушаем море... Ну, и последние новости программы «Время». Давайте посидим, так хорошо... — Ирина огляделась. — Ой, это же... Это мой детский сад! Я сюда ходила когда-то... Не заперто! — она толкнула калитку и побежала по дорожке. Сергей, не отставая, шел следом.

— Смотрите, качели! Качните! — она прыгнула в низкие детские качели. И — раз...

Ноги взмывали при каждом качке выше головы, казалось, до звезд достать ногой проще простого, а уж большую белую Луну можно просто пнуть, как мячик.

— Хотите, я вам стихи читаю? — Сергей от нахлынувших

чувств сильно раскачивал качели.

«Сейчас Асадова будет читать», – кисло подумала Макарова.

– Давайте! – сказала она вслух и приготовилась терпеть.

Лунные тени – тени печали —

Бродят бесшумной стопой.

В черном как горе земли покрывале

Призрачной робкой тропой.

Многих любовно и нежно качали,

Чутко давали ответ...

Лунные тени, тени печали,

Мой повторят силуэт!

– Игорь Северянин?! Так этого в школьной программе нет, – удивилась Ирина и с досадой подумала, что не успела это стихотворение переписать к себе в заветную тетрадку, до того как Елена отдала томик непопулярного поэта вместе с двумя сборниками популярного Пушкина за пошив выпускного платья. Такой был товарообмен в этой части света.

– Много чего нет в школьной программе, – отозвался Сергей.

– Я про королеву и пажа люблю... – и подумала: «Интересно, он тоже стихи переписывает, или у него книга есть?»

– Это было у моря, где ажурная пена,

Где встречается редко городской экипаж...

Королева играла – в башне замка – Шопена,

И, внимая Шопену, полюбил ее паж.

Было все очень просто, было все очень мило:

Королева просила перерезать гранат,

И дала половину, и пажа истомила,

И пажа полюбила, вся в мотивах сонат.

И перейдя на шепот, совсем произнес совсем тихо:

– А потом отдавалась, отдавалась грозово,

До восхода рабыней проспала госпожа...

Это было у моря, где волна бирюзова,

Где ажурная пена и соната пажа.

– Всё!– Она прыгнула на землю и потрянула головой, уняв дрожь в теле.– Домой пора! Мама волнуется.

Ирина никак не могла справиться с возникшим желанием нежно обнять его или положить руки на плечи. До этой встречи у нее не возникало желания класть руки первой и тем более обнимать, кого-либо из своего окружения. Наоборот, хотелось хлопнуть портфелем все того же Разуваева и его дружков, но всё это осталось там....в школе, почти в детстве. Здесь же была совсем другая ситуация: взрослая, наполненная чувственной романтикой.

Сергей, в свою очередь, ощущал трепет. Разница была в том, что она внешне старалась ничем не обнаруживать своего волнения, в то время как он краснел и страшно смущался. Его смущение передавалось ей.

Но все равно было так хорошо! Хотелось подпрыгивать то на одной, то на другой ноге и с каждым подскоком уноситься

в небо. Все кружило мягким туманом: звезды, стихи, теплая мужская ладонь...

Двинулись в обратную сторону. Шли рядом, держались за руки, он читал стихи, она

слушала, закидывая голову, собирая глазами низкие подмигивающие звезды....

К дому шли дорожкой между кустами. Кусты почему-то раскачивались за спиной, хотя ни малейшего ветерка не было.

—Вот... Пришли.

—Будем прощаться, — он наклонил голову и весь подался вперед.

«Сейчас поцелует!» — она выпрямилась и напустила на себя строгость для достойного отпора. Было такое правило у нее, поцелуй без боя не давать, тем более первый. Чувство смешивалось с острым желанием ускорить, перейти, наконец, чувственный барьер. Она не будет сильно сопротивляться, так... скорее для общих правил правильных барышень и выпустить истомившее за вечер желание. Но он вдруг полез в нагрудный карман, нашел клочок бумаги и принялся что-то быстро чиркать, при этом сильно наклоняясь вперед, стараясь попасть в световой круг фонаря. Потом протянул ей записку.

—Это ленинградский адрес и телефон. Сестру зовут- Света... на всякий случай. Завтра придете? — быстро прогово-

рил он.

— Хорошо... — Ирина растерянно взяла записку. — Как приеду в Новосибирск, сразу напишу. Да, завтра... приду... проводить.

Справившись с растерянностью, Ирина тряхнула пышным хвостом, встала на цыпочки, одновременно вскинув руки, обхватив Сергея за шею, горячо поцеловала, куда попала, сама не поняла: то ли в щеку, то ли в губы. Затем кинулась к подъезду, вскочив на ступеньки, махнула рукой:

— Пока!

— Ирина, вы у меня здесь! — Сергей приложил руку к груди. На свой третий этаж взбежала, громко дыша, скинула в прихожей туфли и ринулась на кухню.

— Мам, это я! — громко сообщила она сонной матери.

Жадно напившись воды из-под крана и утерев рот тыльной стороной ладони, не уняв частого сердцебиения, подошла к окну. Он стоял в блеклом круге фонарного света, подняв к окнам казавшееся очень белым лицо. Тень от его фигуры была не только неестественно вытянутая, но будто изломанная, вся в углах.

Еще с минуту смотрела на него в окно, на его странную тень. Вдыхая и успокаиваясь, прислушалась к себе: только жалось и смущение, восторга не было почему-то.

— Тоже мне кавалер, так и не поцеловал! — прошептала она с досадой. — Сама полезла... — и, отметив вдалеке темные си-

луэты, отправилась спать, на ходу освобождая волосы от тугой резинки.

На следующее утро проводы проспала. Металась по всей квартире, на ходу натягивая сарафан, вбегая- выбегая в ванную: хватая одновременно то- расческу, то – за зубную щетку. Как ни торопилась, все же сильно припоздала.

На причале стояла небольшая толпа, глаз зацепил знакомые фигуры подруг, Ирина махнула им, и... Она всё бежала, бежала по пирсу, оглядываясь, пока не услышала свое имя за спиной. Кто-то потянул её за руку, она резко повернулась.

– Что это? – ахнула Ира. – Кто это? Это, что вчера? После...

Левый глаз у Сергея заплыл под нависшим темным веком, скула была вся фиолетовая, нижняя губа рассечена и вспухла.

– Да все в порядке, – смущенно проговорил Сергей, осторожно трогая скулу и губу.

– Это Витька с друзьями?

– Не знаю. Не представились. Навалились втроем... Все это ерунда! Ирина, вы писать мне будете?– и, торопливо оглянувшись, схватил девушку за руку, прижал к губам.

– Сережа, мы вроде договорились на «ты»! – придумала Ирина, скрывая навернувшиеся слезы. Жалость, острая жалость, будь она неладна, вновь охватила её.

– Не помню... – растерялся он.

– Конечно! Я буду тебе писать! И ты мне пиши! – радостно сообщила она.

Домой подруги возвращались молча. Семенова, бледнее обычного, шла босиком, держа белые, на толстом каблуке, чехословацкие босоножки в руках. Яхина же, всю дорогу всхлипывая и семеня неутомимыми маленькими ножками на тонких шпильках, отставала.

Вдруг Семенова повернулась к Яхиной, с несвойственной ей веселостью, выпалила:

–А люстру все же разбили! Красиво висела! А они ее – ба-ба-а-х стулом! Только одни крючки и остались! Морячки-то... все высоченные... Салют был... еще тот!..

Девчонки расхохотались, настроение поправилось.

–Вы, с Сергеем, ушли, а там... такое началось! – заливалась смехом Яхина.

Обе вздохнув принялись рассказывать Макаровой про вчерашнюю пьяную драку между моряками и местными парнями.

Распрощались в сквере. Договорились встретиться на вечерних танцах в Доме культуры.

* * *

Витькина квартира находилась напротив Макаровской. Разуваевы: пьющий отец, крикливая мамаша и двое сопливых младших братьев – не знали покоя ни днем, ни ночью. Жили шумно, порой даже с песнями, но чаще с криками и матами.

Ира уже на площадке вспомнила про соседа и разозлилась. Пытаясь открыть собственную дверь (замок, вдруг, перестал открываться) погрозила кулаком в сторону битой, в трещинах старого черного дерматина, Разуваевской двери: – Сволочь!

Соседская дверь немедленно отворилась. На пороге, привалившись к косяку, стоял Виктор Разуваев, собственной персоной, лениво гоняя во рту спичку.

Он работал в порту, пошел туда сразу после восьмилетки. Режим: сутки через двое. Свободного времени навалом, но при этом дома бывал редко.

Как он узнавал о жизни любимой соседки, оставалось загадкой. Где бы ни появлялась Ира, следом за ней тенью двигался и Виктор. Иногда один, чаще с друзьями.

–Сволочь!– прошипела Ирина, мотая пышным хвостом, непонятно, то ли это относилось к неподатливой двери, то ли к соседу. – Трое на одного?! Разуваев, ты скотина!

–Бил, бью и буду бить. Нечего здесь... ходить! – отчетливо пояснил Витька. И добавил: – А ты ничего не бойся, Королева!

Проклятая дверь всё не открывалась. Отклеившись от дверного косяка, Разуваев неторопливо подошел, потеснил девушку в сторону, потянул на себя с силой дверь, замок щелкнул, ключ повернулся, и дверь открылась.

– Королева! – передразнила Ира. – Некого больше бить! Уезжаю я! Уезжаю!– крикнула она ему в лицо. – Насовсем,

навсегда! — и с силой хлопнула дверью с другой стороны. В ответ на это громкое заявление Виктор спокойно вернулся и тихо закрыл свою. Он рассудил мудро, решив: все уезжают, но потом возвращаются.

История знакомства с моряками в ресторане «Игарка» только косвенно заденет Иру Яхину. После короткой переписки с Костей их роман завершится. В дальнейшем Яхина при упоминании этого эпизода будет небрежно махать рукой, будто отгоняя от себя незначительный факт биографии.

Ирочка Семенова, послушная мамина дочь, выйдет замуж за того самого морячка, с которым протанцевала всю ночь в ресторане «Игарка» летом семьдесят девятого года, уже в Ленинграде, на последнем курсе института. Станет своему Игорю примерной офицерской женой: ласковой и верной.

Ирину Макарову ждали долгие годы переписки, полные любви, нежности и морской романтики.

***

В Толмачево Ирина прилетела одна, такая была договоренность с матерью и Катериной, рвавшейся вновь встретить дорогую девочку. Довольно быстро нашла общежитие. Втащила на второй этаж тяжелый чемодан и обнаружила в указанной комендантом комнате еще двух новоиспеченных студенток. К вечеру к ним добавилась четвертая — Гуля. Та опоздала, ехала издалека, из Казахстана, поездом, и мест в общежитии со своим потоком ей уже не хватило.

Трем молоденьким девушкам, вчерашним выпускницам

школ, шел семнадцатый-восемнадцатый год. Гуля же после техникума, трехлетней отработки и двух курсов института казалось им совсем старушкой – ей было аж двадцать три! Она была студенткой третьего курса того же факультета, где предстояло учиться Ирине.

Ростом маленькая, фигурой крепенькая, с длиной толстой черной косой, Гуля представляла собой сплошь деловые качества. На скорую руку сделала экскурс по огромному обществу на предмет расположения и графика работ общественных мест: кухня, душ, постирочная. Потом все пере-знакомились, единогласно признав Гулю в качестве старшей по комнате, и она тут же составила график дежурства. Гуля строго следила за порядком в комнате и закупкой продуктов (девочки решили питаться вскладчину).

Ире нравилось всё. Смущало только одно – много было красавиц и умниц. Она же привыкла быть первой. Временами она задерживалась перед зеркалом. Смотрела долго и внимательно. У неё был зоркий и наблюдательный глаз, но до сих пор он был поглощен пестрым разнообразием внешнего мира. И теперь она видела перед собой лицо юной девушки, но никак не могла решить красиво оно или нет. Всё же чаще всего оставалась довольна собой.

***

Родители Иры Макаровой приехали в Игарку не по своей воле. Их привезли детьми с полуострова Таймыр, куда Ирочкины бабушки-дедушки были сосланы по националь-

ному признаку, а также по приказу военного времени. Мужчины в пересылке, в Красноярске, потерялись навсегда. Матери с детьми доехали до конечной стоянки вдоль правого берега Енисея.

К слову сказать, после той зимы, из всеми забытого, и богом, и властями, Агапитово никто не вернулся, но, как выяснилось, там чудом выжили трое: маленькая девочка и мальчик Юрис с еле живой матерью – Ингеборга.

Позже, уже с явными признаками надвигающейся болезни, она доставила детей в Игарку. Дальше везти не разрешалось. Там же находилась комендатура, где раз в месяц полагалось отмечаться. Эта северная точка долгое время сохраняла статус места, куда после окончания сроков и «потепления» режима съезжались бывшие ссыльные Крайнего Севера.

Юрис, он же Юрий Иванович, инвалид детства, никогда не вспоминал Агапитово, к тому же тема эта была строгойше запрещена властями. Один раз, вначале семидесятого года, к нему домой на встречу напросилась дерзкая журналистка из центральной молодежной газеты. Живо интересовалась всем, в том числе: подаст ли Юрий Иванович на компенсацию от государства, как «лишенец» и «сын врага народа» в прошлом?

Тема, еще находившаяся под грифом «секретно», тем и притягательная, хотя уже не смертельно опасная, была бы бомбой для Нового Севера.

После первых вопросов – как им удалось остаться в живых, почему про их палаточный городок власти просто забыли, на какую сумму рассчитывает семья Макаровых, – Юрий Иванович, и без того бледный, начал сереть лицом. Елена побежала за каплями и водой, умоляя журналистку уйти, а Юрочку – не волноваться. Но не волноваться он не мог, уж очень страшными были детские воспоминания.

В Агапитово, где царили мрак и голод, ему исполнилось семь лет. Много месяцев он и трехлетняя Леночка просидели в землянке на нарах, ни разу не поднявшись наверх. Морозы стояли страшные, одеваться им было не во что. Те лохмотья, что были на них, не спасали от холода.

Елена в отличие от своего больного мужа ничего не помнила, только с младенчества у нее осталась какая-то сверхъестественная мерзлявость. Мать Леночки, по словам все той же Инги, умерла от холода. Попросту примерзла к своей подстилке, так как спала в палатке, на морозе, вместе со всеми.

Так вот и получилось, что из Агапитово сердобольная литовка перевезла своего и чужого ребенка, вначале в деревню Носовая, в пятидесяти километрах по Енисею, где были нормальные дома и какое-никакое питание. Там они немного отъелись, подлечились и, там же, Инга устроилась в рыболовецкую артель при колхозе «20 лет Октября». А через несколько лет разрешили выехать в Игарку.

При первой же регистрации Инга записала Юриса –

Юрой. Фамилию сыну и себе взяла погибшего при установлении советской власти в Литве гражданского мужа Ивана Макарова, не отрицая при этом отца зажиточного хуторянина. Вторая регистрация превратила маленькую девочку Хелене, дочь приволжских немцев, в Елену Федоровну Шпицеву. Отказав, тем самым, и документально, в самом факте существования родного отца Фридриха Шпица. На Леночку же оформила опеку, как родственница.

Катерина присоединилась к ребятам чуть позже. С Леной они ходили в один класс, хотя она была немного старше. Юру она долгое время терпела ради Леночки, но потом они привыкли друг к дружке, скорее от отсутствия других вариантов дружить с этой чудесной девочкой.

В последнее, уже послешкольное время все трое работали в магазине в морском порту. Там Елена сдружилась с Катериной накрепко, да и Юра стал относиться к ней приветливее.

В отличие от многих у Кати был отец, мать и даже болезненный младший брат. Отец, лишенец второй волны (сильный, рукастый, находчивый мужичок) не растерялся, вступил в рыбацкую артель, осваивая чужое ремесло. Семья потихоньку обжилась, приняла местные законы и нравы. Стала своей в этом вечно хмуром городе, продуваемом морским ветром, далеко от милой, ржаной, ромашковой вологодской деревни.

Елена и Юрий знали историю своего детства. Инга ниче-

го не скрывала. Ни отца, ни матери Леночка не помнила. Сморщенная беззубая литовка и ее невеселый сын стали для нее близкими людьми, а позже и семьей. Едва Леночке минуло восемнадцать, они с Юрой поженились. Оба высокие, светловолосые. Юрий – длинный, худой, угловатый. На узком сером лице совершенно не к месту хмурились темно-синие глаза. От таймырского детства остались болезни, вечное чувство голода, плохой характер.

Елена же была другая. Открытое, улыбчивое веснушчатое лицо— девушка с советской открытки. Фигурой и ростом крупная, широкая, но с выраженной талией. По характеру более сговорчивая, нежели муж.

По совету матери, после семилетки Юрий окончил курсы бухгалтеров. И трудился на ниве цифр, счетов, сводок не покладая рук. Со временем пришло и уважение, хотя по молодости в службе в Советской армии было отказано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.